

Покоритель стратосферы

85 лет назад 30 сентября 1933 г. стратостат «СССР-1» впервые в мире поднялся на высоту 19 км. В составе экипажа был наш земляк Константин Дмитриевич Годунов (1862–1965).

ФОТО 1. Константин Дмитриевич Годунов

Родился он 2 июня (14 июня по новому стилю) 1892 г. в с. Конышевка Льговского уезда Курской губернии. В 1911–1914 гг. учился в Петербургском политехническом институте. Проучившись 3 года, ушел в военную авиацию. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. служил в воздухоплавательных частях Красной Армии. Окончил Академию Воздушного Флота имени Н.Е. Жуковского (1925). Работал в Высшей военной воздухоплавательной школе Военно-воздушных сил, Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Научно-исследовательском институте Военно-воздушных сил. В 1932–1933 гг. возглавлял ОКБ Научно-исследовательского института резиновой промышленности по постройке стратостата «СССР-1» (конструктор оболочки стратостата). Совершил полёт на этом стратостате совместно с Г.А. Прокофьевым и Э.К. Бирнбаумом. Разработал ряд привязных и свободных аэростатов и летал на них. Аэростаты заграждения конструкции Годунова применялись в противовоздушной обороне во время Великой Отечественной войны.

О покорении нашем земляком стратосферы рассказал в своей книге «Потолок мира» советский писатель и очевидец событий Лев Кассиль.

«Честь и право совершить первую вылазку в небесные страны вручила трем людям. Здесь требовался жесткий и беспристрастный отбор, крепкая проверка. Нужны были люди мужественные, знающие, решительные и опытные. Нужны были люди, не страдающие головокружением от успеха и от высоты, люди долга и отваги, люди, способные не только достичь небесных высот, но и быть также на высоте в серьезных научных работах. Их было трое: Георгий Алексеевич Прокофьев, Константин Дмитриевич Годунов и Эрнест Карлович Бирнбаум.

Нас познакомили. Это были три жизнерадостных и здоровых человека, полноценные советские граждане, деловые, способные, упорные и просто очень симпатичные дяди... Их долго подготавливали к полету, держали на особом режиме, сажали в барокамеру и, понижая искусственно давление, «поднимали летающую троицу на высоты...»

Участник небесного похода, инженер Годунов, талантливый и застенчиво-смешливый человек, давно уже был крупнейшим знатоком воздухоплавания. Свои первые самостоятельные полеты он совершил на

дряхлой, отжившей век машине «Моран» в Севастопольской авиационной школе, куда он попал после империалистической войны. С 1918 года он работал в приемной комиссии центрального авиапарка в Москве, затем учился, сначала в Институте инженеров красного воздушного флота, а потом в Военно-воздушной академии. С 1926 года Годунов был назначен старшим инженером научно-опытного отдела военно-воздухоплавательной школы.

– Я так много летаю, – рассказывал нам Годунов, – что дома давно волноваться бросили. И к стратостату отнеслись также спокойно, чего же тут бояться. Все проверено. Оболочку я сам конструировал, все как будто на месте. Я человек, признаться, вовсе не храброго десятка. Тут, понимаете, никакое не геройство с моей точки зрения. А просто уверенность, что все обстоит в порядке. И нечего тут было беспокоиться... Вот когда я долго домой не возвращаюсь со службы, тогда дома действительно волнуются, боятся, не угодил ли под трамвай...

На долю Годунова падала значительная часть научно-исследовательской работы. Сюда входило определение метеорологических элементов стратосферы – температура, давление, влажность, наблюдение над электрическим состоянием тропо- и стратосферы, изучение ионизирующего действия космических лучей. Годунова интересовали также и чисто воздухоплавательные задачи. Он собирался проверить точность формул и законов, которыми обычно руководствуются при полетах. Его очень интересовало и радовало, что можно будет уточнить барометрические данные с помощью фоторадио и тригонометрических засечек с земли. Человек техники и расчетов, он любил точность во всем.

30 сентября 1933 года... Последняя густая волна утреннего тумана накатывается на аэродром, на короткое время плотно закрывая поле. Но метеорологи приносят последнюю сводку погоды. Сводка благоприятна. Прогнозы полны оптимизма. Годунов смотрит на карту, смотрит потом на ясное бестуманное небо...

– Ну, – весело говорит он, – сегодня уж шалишь! Обязательно полетим.

Одна за другой, свистя в воздухе и свертываясь змеей, падают выдернутые поясные веревки.

– Внимание! Первый, второй, третий сектора на поясных. Дать слабину!

И стратостат, напружинившись, с силой потянулся вверх.

Прокофьев идет в гондолу. Он жмет на ходу руки, прощаясь. Жужжат киноаппараты. Красноармейцы с трудом удерживают в руках гондолу, с трудом сдерживают рвение стратостата. Специальная комиссия приближается к гондоле. Пломбируют метеорологические приборы. Теперь перья самопишущих приборов установлены на барабане. Перья воткнулись в нуль. Теперь никто, кроме комиссии, не имеет права вскрыть аппараты и снять с валиков их нелюбезные записи, их автоматическую короткую летопись предстоящего полета.

Взвивается, быстро уходя в небо, гирлянда легких шаров-зондов знаменитой системы профессора Молчанова. Маленький пропеллер вертится от движения ветра под нижним шаром. Он похож на соединенные вместе четыре деревянные ложки. Он вертит маленькую динамку, и зонд шлет нам с высоты свои холодные наблюдения над погодой, ветром, состоянием атмосферы. Это – разведчик, посланный в небо.

– Внимание, полную тишину на старте! – командует Гараканидзе.

Поворачивается штурвал в гондоле. Натянулась красная бечева, связанная с клапаном. Раздается звенящий свист. Человечек с шаром подлетает к верхушке стратостата и прислушивается, как работает клапан. «Провожающие, выходи!» – пошутил кто-то из команды. Люди, проверявшие скрепления стропов гондолы, соскочили на землю. Внутри осталось трое: Прокофьев, Годунов, Бирнбаум. Трое советских людей, трое представителей человечества, летящих в неведомое, может быть, три Атланта нашей эры, которым суждено своими плечами поднять небо повыше.

ФОТО 2.

Г.А. Прокофьев, К.Д. Годунов и Э.К. Бирнбаум в гондоле стратостата

Была тишина. Воздух, крепкий воздух земной поверхности вбирался внутрь гондолы. Там, наверху, в случае, если полет затянется, каждый кубометр воздуха будет дорог, как дорог глоток пресной воды среди океана соленой. Была тишина, какая бывает перед началом большого, серьезного научного опыта.

– Отдать гондолу! – скомандовал Гараканидзе.

Красноармейцы разом отпустили. Они отбежали в сторону, и стратостат тотчас быстро, плавно, неукоснительно пошел вверх.

ФОТО 3. Стратостат «СССР-1» в момент старта

Ура!.. Он улетал, улетал, он уходил вверх, весь серебристый, легкий, но непреклонно спокойный и напористый. Великолепное небо принимало его.

– Ну, вот и летим, – сказал Прокофьев, – сбылось.

И он зарядил приборы для наблюдения за космическими лучами. В это время Годунов следил за показаниями альтиметра. Работал пока еще первый альтиметр, показывавший высоту до десяти тысяч метров. Годунов проверял точность альтиметра, смерив давление ртутного барометра с высотой по таблице.

– Безукоризненно! – воскликнул он.

Наблюдатели с земли нахлобучив наушники, ввинчиваясь в эфир, рукоятками конденсаторов и вариометров мы ловили волну стратостата. Прошло полчаса, и в 12 часов 45 минут мы, вся страна, весь мир, были потрясены радостной вестью из стратосферы.

– Говорит Марс! Говорит Марс! Высота девятнадцать километров! Мы дошли до высоты девятнадцати километров!

Теперь сообщения следовали одно за другим.

– Говорит Марс. Высота та же – девятнадцать километров. Уравновесили систему стратостата. Потолок. Мы достигли потолка. Сейчас пойдем на посадку. Передайте наш рапорт с высоты девятнадцати километров. Передайте в ЦК партии товарищу Сталину! Передайте в Реввоенсовет товарищу Ворошилову! Сообщите в Совнарком СССР товарищу Молотову! – экипаж первого советского стратостата успешно выполнил поставленную перед ним задачу и сообщает о благополучном завершении подъема стратостата на высоту девятнадцать тысяч метров. Экипаж готов к дальнейшей общей работе по овладению стратосферой. Командир стратостата «СССР-1» Прокофьев. Пилот Бирнбаум. Инженер Годунов.

Они были на высоте, куда не забиралось ни одно двое существо. Они могли отсюда окинуть взором всю предыдущую историю человечества и казать себе: «Мы на вершине! Никто еще не был выше нас!» Но вместо этого Прокофьев сказал:

– Что ж, можно теперь и закусить... Жарковато, однако.

Термометр за стенкой гондолы показывал 67 градусов холода. Виноград, печенье, холодное мясо и шоколад составили завтрак в стратосфере.

Можно было бы подняться и гораздо выше. Дышалось без труда. Гондола и оболочка были рассчитаны на значительно большее давление. Но, подсчитав оставшийся балласт, пилоты решили, что забираться выше просто не нужно. Девятнадцать тысяч метров – результат и так неплохой. А расходовать дальше балласт вряд ли целесообразно. Он необходим для нормальной посадки. Решили ждать естественного снижения, когда охладится газ.

Почти два часа альтиметр показывал высоту в девятнадцать километров. Погода оставалась исключительно благоприятной. Аэроавтыв успели произвести и записать все необходимые наблюдения. Москва была отлично видна с этой высоты. Трудно было поверить, что стратостат находится на такой огромной высоте – так отчетливо видна была земля. Бережно вел стратостат на посадку Прокофьев. Мало было побить рекорд. Требовалось еще не побить приборов. Выключился второй альтиметр, опять вступил в свои права первый, стратостат был на высоте девяти тысяч метров. На пяти тысячах воздухоплаватели открыли люки.

В этот момент Годунов, высунувшись из люка, заметил, что красная вожжа разрывного клапана далеко отошла от окна. Он пробовал достать ее рукой, но не мог дотянуться. Прокофьев обратился к Годунову:

– Константин Дмитриевич, полезай наверх и передай мне разрывную...

– Есть!

И Годунов на высоте пяти с лишним тысяч метров вылез из кабины на подвесное кольцо за разрывным приспособлением, которое слегка запуталось. Через несколько секунд Прокофьев принял от него веревку. Через несколько минут длинный гайдроп уже касался земли. По двору Коломенского завода волочился якорный канат. Выбежали рабочие и погнались за гайдропом. К счастью, они не удержали его. А иначе стратостат опустился бы прямо в реку. Низко пролетя над рекой, так низко, что воздухоплаватели поспешно завинтили люки, стратостат мягко коснулся земли. В это мгновение все трое разом дернули вожжу разрывного приспособления. Оболочка стала падать, с шумом выдавливая газ через отверстие. Воздухоплаватели спокойно вылезли из гондолы. В стороне медленно издыхала оболочка. Со всех сторон сбегались люди.

Тишина неожиданно разорвалась тысячеголосым «ура», в окошке лаза показалась голова Прокофьева в кожаном костюме. Командир стратостата «СССР» вылез из гондолы по пояс. Зрители ожидали, что он тотчас же спрыгнет на землю, ибо ничего не может быть приятнее ощущения твердой почвы под ногами после многочасового пребывания высоко над уровнем земли. Но командир не спешил ступить на твердую землю. Выбравшись из гондолы, он полез не вниз, а вверх по плетеной лестнице, и снова воцарилась гробовая, недоуменная тишина. Встав на гондолу, Прокофьев схватился левой рукой за строп, правой рукой снял шлем и вытянулся во весь рост.

– Товарищи! – крикнул Прокофьев, и звонкий голос его был слышен на обоих берегах реки. – Товарищи, партия и советская власть, пославшая нас в стратосферу на завоевание воздушной стихии, до сих пор недоступной для человеческой техники, преследовала цель...» Но голос его потонул в овациях...

ФОТО 4. Гондола стратостата «СССР-1»

Девятнадцать километров! Почти на три километра поднят потолок обитаемого мира. Почти на три километра увеличился радиус нашего познания. Трое из СССР проникли туда, где никогда, никто из бывших на земле не был. «От радости захлопал в ладоши. Ура „СССР“!» – прокомментировал это выдающиеся событие в своей телеграмме из Калуги основатель воздухоплавания и космонавтики К.Э. Циолковский.

14 ноября 1933 г. вышло Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР о награждении организаторов и участников полета в стратосферу. Константин Дмитриевич Годунов был удостоен ордена Ленина.

Подготовил Сергей Челенков